

определяющей поэтичность и обаяние этих новелл. Критикуя ранние произведения Франса за субъективизм и оторванность от реальной действительности, И. Ковалева упрекает писателя в том, что «иногда внешние события служат Франсу лишь поводом для философских и психологических размышлений» (стр. 52). Между тем сама по себе эта черта никак не может быть отрицательной: все зависит только от содержания и идейной направленности философской концепции писателя. При анализе языка и стиля «Харчевни королевы Гусиные Лапки» Франсу ставится в упрек то, что он часто отходит от реалистического воспроизведения живой и индивидуализированной речи персонажей. Несомненно, что подобные спорные оценки органически связаны с недостаточным проникновением автора монографии в художественную лабораторию Франса, как глубоко интеллектуального и иронического художника, блестящего стилизатора и пародиста. На стр. 67—70 И. Ковалева, иллюстрируя идейное развитие Франса, говорит об эволюции его отношения к Эмилю Золя. Однако она не учитывает того, что и сам Золя создавал в эти годы далеко не равноценные произведения. Отрицательное отношение Франса к романам «Земля» и «Мечта» и положительное к романам «Жерминаль», «Деньги», «Разгром» зависело не столько от идейных колебаний Франса, сколько от противоречивости самого Золя. Можно было бы поспорить еще с некоторыми частными положениями монографии. Но не это определяет значение книги. Несомненно, что советский читатель получил ценное литературоведческое исследование, которое поможет ему глубже разобраться в творческой эволюции давно любимшегося ему французского реалиста-сатирика.

М. ЯХОНТОВА

ОТ МОРИСА СЕВА ДО АГРИППЫ ДОБИНЬЕ*

(Новая книга о французской поэзии XVI века)

Литература французского Возрождения давно уже стала привлекать внимание ученых, особенно поэзия этого времени. После работ Сент-Бева поток монографий и исследований увеличивался с каждым годом. Большинство литературных течений во Франции XVI века и их отдельные представители изучены теперь достаточно детально. Мы уже знаем очень многое о жизни и творчестве не только таких великих писателей французского Возрождения, как Рабле, Маро, Десперье, Ронсар, Дю Белле, Агриппа д'Обинье, но и ряда менее значительных поэтов и прозаиков. Детально изучены биографии, изданы хорошо прокомментированные тексты... И все-таки можно сказать традиционную фразу: французская литература эпохи Возрождения ждет еще своих исследователей. Исследователей, которые бы осмыслили, привели в систему (а не только установили рамки хронологии) весь тот огромный фактический материал, который был накоплен более чем за полтора века внимательного изучения французского Ренессанса.

Поэтому вышедшая в Париже книга Анри Вебера — его двухтомная монография «Поэтическое творчество в XVI веке во Франции» — не тонет в огромном потоке работ и исследований. Книгу А. Вебера отличает прежде всего новизна методологии. В своем труде Вебер использовал, конечно, достижения современной буржуазной науки

* Henri Weber, *La Création poétique au XVI siècle en France*. Paris, Nizet, 1956, 2 vols, 774 p.

о литературе. Но он не ограничился этим. Он отбросил как формалистические концепции таких известных исследователей французской поэзии XVI века, как А. Шамар, Ж. Вианей и П. Ломонье, и попытался подойти к анализу многообразных фактов поэзии французского Возрождения с марксистских позиций. А. Вебер связывает развитие поэзии с основными философскими и общественно-политическими движениями эпохи. Идея историзма проходит красной нитью через книгу Вебера. В этом одно из основных ее достижений. С фактами истории Вебер обращается умело. Исследователь никогда не упускает из виду специфический характер поэтического творчества, не упрощает и не схематизирует литературных фактов. Поэтому его книга не страдает и грехом вульгарного социологизма.

Вебер не пишет истории французской поэзии XVI века. Из многочисленных поэтических произведений эпохи он отбирает только самое главное, то, что, по его мнению, лучше всего характеризует именно творческий, созидательный дух французской поэзии второй половины XVI века. Подобная постановка вопроса — подчеркивание того нового, что было создано французскими поэтами XVI века, подчеркивание их оригинальности — включает в себе полемику с той точкой зрения буржуазных литературоведов, сторонники которой сводят всю историю поэзии французского Возрождения к подражаниям и заимствованиям. Далеко Вебер и от формалистического анализа тем и сюжетов или поэтических приемов. Полемическая заостренность, боевой дух — важная черта работы молодого ученого.

Следует также отметить идею эволюции, развития, положенную в основу книги. Вебер не просто констатирует смену одного литературного направления другим, но подчеркивает их взаимосвязь, с одной стороны, их зависимость от важнейших идеологических и политических движений эпохи, — с другой.

Основной замысел книги определяется ее автором следующим образом: «Мы попытаемся показать путем анализа и сопоставления текстов, как крупные поэты отвечали на два противоречивых требования: через разнообразные подражания выработать свою собственную форму, заставить ожить избитые выражения и самые общие темы, одухотворяя их своим личным опытом, и в то же время — выразить самые характерные мысли, чувства, отразить борьбу их эпохи. И освещая некоторые общие проблемы поэтического творчества, мы постараемся проникнуть через конкретное разнообразие поэтических тем в самую природу французского Возрождения» (стр. 10). Иначе говоря, Вебер хочет не только с новой точки зрения осветить особенности развития французской поэзии XVI века, но и наметить новые пути подхода к анализу литературного произведения вообще.

Поэзия «Плеяды» неизбежно оказывалась в центре внимания исследователей, занимавшихся вопросами ренессансной лирики. Да это и понятно. Ведь именно «Плеяда» во многом определила дальнейшие пути развития французской поэзии. Не случайно поэтому в книге А. Вебера «Плеяда» находится в центре внимания. Вебер справедливо рассматривает школу Ронсара как начало новой французской поэзии, как далекого, но тем не менее непосредственного предшественника классицизма.

Главам, посвященным непосредственному истолкованию поэтического материала, предпослан интересный и содержательный анализ основных философских течений эпохи и их влияния на литературу. Интересны замечания Вебера о социальном положении поэтов XVI века, о влиянии на их творчество жизни двора. Нова для французского литературоведения и постановка вопроса о характере и природе противоречий в творчестве тех или иных поэтов XVI века, как отражении реальных противо-

речий переходной эпохи — эпохи ломки старых средневековых социальных и моральных норм, средневекового мировоззрения. Весьма плодотворна мысль А. Вебера о наличии «предренессансных» философских и эстетических течений, о формировании идей гуманизма во Франции еще в XIV веке. Вебер справедливо указывает, что эти движения, теснейшим образом связанные с ростом городов, были приостановлены, задвинуты Столетней войной.

В книге А. Вебера рассматриваются произведения не только основных участников «Плеяды», но и поэзия таких мало известных авторов, как Жак Гревен, Жан де ля Тай, Амадис Жамен, Оливье де Маньи, Жак Тауро и многие другие. Это расширяет, обогащает наше представление о поэзии французского Возрождения, делает очевиднее оригинальность, новаторство ведущих поэтов XVI века.

Уже в главе, содержащей интересный анализ «Делии» Мориса Сева, Вебер касается проблемы петраркизма. Для истории французской поэзии середины XVI века эта проблема чрезвычайно важна. Вебер ставит эту проблему по-новому. Он отвергает взгляд на французский петраркизм как на направление, подражательное в самой своей основе. А. Вебера интересует прежде всего то новое, что было внесено тем или иным поэтом в разработку привычных петраркистских тем. И в данном вопросе книга Вебера глубоко полемична, она выступает против исследователей-формалистов и прежде всего — Ж. Вианея, подменявшего анализ произведений поэтов Франции XVI века формальными сопоставлениями с лирикой Петрарки и его последователей. В ряде случаев такой анализ мог принести существенные плоды. Ведь «имитация», подражание итальянским образцам были одним из основных теоретических положений «Защиты и прославления французского языка» Дю Белле. Но антиисторично, как это подчеркивает Вебер всем своим анализом конкретных поэтических фактов, было бы сводить всю поэзию французского Возрождения к подражанию итальянцам и, главное, объяснять лишь подражанием все развитие французской поэзии XVI века. Автор вскрывает философскую — неоплатонистскую — природу любовной символики у Мориса Сева и других поэтов Лионской школы; чисто земную, реальную почву ее — скажем, в цикле «Любовь к Марии» Ронсара.

Но в своей трактовке петраркизма А. Вебер несколько суживает его рамки: он считает, что к петраркизму следует отнести лишь любовную поэзию. Основная глава, посвященная этой проблеме, так и названа: «Любовная поэзия «Плеяды». В данном случае Вебер некритически повторяет утверждения буржуазных исследователей. Как нам кажется, не следует ограничивать область петраркизма в поэзии узкими рамками любовной лирики. В творчестве самого Петрарки и его многочисленных последователей — как в самой Италии, так и за ее пределами — любовная тема, оставаясь доминирующей, не была единственной. Проблематика политическая, философская также была свойственна петраркизму.

Интересны мысли Вебера о своеобразии французской поэзии XVI века. Французский петраркизм, как справедливо указывает исследователь, отличается от итальянского большей жизнерадостностью, большим реализмом и чувственностью¹. Красноречивый пример тому — творчество Ронсара. Несомненное влияние на французский петраркизм оказало «открытие» Анри Этьеном анакреонтической лирики, перевод которой Этьен опубликовал в 1554 году. Но Вебер не переоценивает этого влияния.

¹ Отметим, что именно к французской поэзии XVI века как нельзя лучше подходят слова Ф. Энгельса о «жизнерадостном свободомыслии» романских народов («Диалектика природы», Госполитиздат, 1948, стр. 6).

Всем ходом своего исследования Вебер показывает, что политика все больше вторгалась в область поэзии; в этом он видит одну из характерных черт французской литературы середины и второй половины XVI века. И это не шло в ущерб поэтичности и лиричности. Как показывает Вебер, Религиозные войны открыли перед поэзией новые, неизвестные ей дотоле горизонты, во многом обогатили поэтический язык («Рассуждения» Ронсара, «Трагические поэмы» д'Обинье). Вебер неоднократно подчеркивает, что политика стала неотъемлемой частью поэзии, что поэты не оставались равнодушными в борьбе и становились — будь то Ронсар, Депорт, Дю Бартас или д'Обинье — на сторону тех или иных политических партий, служили им своим пером, а иногда — как это было, например, с Агриппой д'Обинье — одновременно и шпагой.

Чрезвычайно важен и интересен вывод автора, связывающего процесс созревания реализма именно с наполнением поэзии гражданскими мотивами; он пишет: «В период Религиозных войн национальное чувство делается самой основой поэзии... Проникая в самое сердце общественной жизни, поэзия становится средством полемики; не отказываясь полностью от подражания древним, поэзия обращается к Библии, приближается к памфлетам и сатирическим сонетам, возникавшим непосредственно под давлением тех или иных обстоятельств. И она выигрывает в живости, в остроте, в реализме» (стр. 738). Вебер показывает, что это проникновение в поэзию политики и усиление реализма влекли за собой выработку новых поэтических форм, появление новой, совсем особой образной системы. «Формальные приемы,— пишет Вебер,— такие, как метафора, антитеза или ритм, не являются теперь механическими формулами, они меняют свою специфику и характер в зависимости от содержания, следуя темпераменту автора» (стр. 739).

Поэты — сторонники Лиги, как подчеркивает Вебер, не дали в период Религиозных войн произведений, равных по силе «Трагическим поэмам». Лишь «Рассуждения» Ронсара могут быть противопоставлены грандиозному эпическому циклу д'Обинье. «Трагические поэмы» и «Рассуждения» остаются в конце концов,— пишет автор,— единственными крупнейшими поэтическими произведениями, порожденными Религиозными войнами. Но в то время как Ронсар — прежде всего художник, лишь под давлением событий в определенный момент обратившийся к политической поэзии, от которой он отказался сразу же после окончания первого этапа Религиозных войн, то д'Обинье прежде всего солдат, защищающий свое дело с оружием в руках. В перерыве между битвами он задумывает продолжить военную борьбу борьбой поэтической, он завершает свой замысел, когда войны затихают» (стр. 561). В этом видит автор основное различие политических и поэтических позиций Ронсара и д'Обинье, в этом видит он и причину неудачи ронсаровской «Франсиады» и основу несомненной поэтической победы Агриппы д'Обинье с его «Трагическими поэмами».

Подробный, богатый тонкими наблюдениями анализ поэм д'Обинье расширяет наше представление о замечательном поэте, об исторической значимости его произведений. Анализ этот глубоко полемичен, носит несомненный новаторский характер. Вебер выступает против буржуазных исследователей-формалистов, стремящихся рассматривать д'Обинье как типичного представителя литературы барокко. Оставим в стороне достаточно спорный вопрос о применимости к литературе этого искусствоведческого термина; в западном литературоведении он широко распространен. Вебер совершенно справедливо отказывается рассматривать «Трагические поэмы» д'Обинье как произведения в целом, по своей природе, барочные, хотя при формалистическом подходе некоторые образы поэм и могут дать материал для подобного за-

ключения. А. Вебер пишет: «В более общем смысле, если прогивопоставлять барокко классическому, как искусство движения — искусству уравновешенности и ясности, то д'Обинье будет, конечно, более близок к барокко. Но не следовало бы распространять понятие барокко на все чувственное и образное, делая из него антитезу интеллектуального... У д'Обинье совершенно нет того погружения в объект, в игру внешними признаками, в описание как таковое, столь близкого представителям барокко XVII века, таким, как Сент-Аман или Скюдери» (стр. 686).

Анализ «Трагических поэм» не случайно заключает, как бы венчает собой книгу А. Вебера. Политическая, гражданская линия во французской поэзии XVI века ведет именно к д'Обинье. Таков вывод автора, вытекающий из его общей концепции развития поэзии французского Возрождения.

Правда, в этой в целом верной концепции не все акценты расставлены правильно. В самом построении книги, на наш взгляд, есть существенный недостаток. Автор сознательно отказывается проследить предысторию «Плеяды», ее отдаленных и близких предшественников (кроме Мориса Сева и поэтов Лионской школы). Прежде всего это относится к Клеману Маро, главному представителю поэзии раннего периода Возрождения во Франции. Отказ от анализа творчества Маро привел Вебера к несколько одностороннему пониманию новаторства Лионской школы и «Плеяды». Полемизируя с учеными, видящими в поэзии только подражание, исследователь забыл о национальных традициях, развивавшихся лучшими поэтами второй половины XVI века. Характерная деталь: интереснейшая и неправомерно забытая поэтика Тома Себиле — его «Поэтическое искусство» 1548 года — не получила на страницах книги детального освещения. А ведь этот трактат не только подвел итог поэтическим и теоретическим достижениям Маро и его последователей, но наметил и некоторые пути дальнейшего развития поэзии, кое в чем опередив «Плеяду».

Недооценивает, как нам кажется, автор и «Сожаления» Дю Белле, рассматривая их лишь как образец элегической и сатирической поэзии. Тем самым Вебер отрицает в «Сожалениях» глубокий гражданский пафос, философские раздумья и политические обобщения, идя в данном случае на поводу у ряда буржуазных исследователей.

Есть в книге и другие недостатки. Изложение бывает порой слишком перегружено деталями, которые сами по себе очень интересны, но мешают уловить основную мысль автора. В то же время, например, почти отсутствует анализ такого значительного сборника Дю Белле, как «Древности Рима». Обычно Вебера постигает неудача в том случае, когда он отступает от своих методологических позиций, когда он отдает дань взглядам буржуазных ученых, оказывается в плену их формалистических и позитивистских схем, относится к ним некритически.

Однако указанные недостатки не могут умалить общего положительного значения книги Вебера, новаторски подошедшего к анализу огромного фактического материала и создавшего оригинальную, проникнутую марксистским духом историзма, концепцию развития французской поэзии XVI века.

Все это дает право книге А. Вебера занять почетное место среди работ, посвященных французской литературе XVI века; и не случайно этот труд был включен в рекомендательный список новых работ французского марксистского литературоведения, недавно опубликованный на страницах «Юманите».

А. МИХАЙЛОВ